

Самый зеленый город Соединенных Штатов уже пробудился ото сна. С раннего утра на улицах славного Портленда уже вступили в свои права автомобили — негласные, но признанные всеми горожанами короли улиц. Помимо автомобилистов, владельцы магазинов также недолго нежились в своих постелях и уже выходили на работу.

Гэлбрайт стоял у витрины продуктового магазина и от скуки пялился на вывеску, на которой рукой неизвестного художника хоть и несколько аляповато, но вполне правдоподобно были изображены сосиски и сыры, рядом с которыми лежали одинокий помидор и кочан капусты. Подобное сочетание продуктов служило двум целям — уведомляло потенциального покупателя о том, что тот может купить в этом месте, а также (что, по сути, являлось сутью всего рекламного искусства) вызывало у него чувство голода и желание купить это как можно скорее.

В конце концов Гэлбрайт все же не смог устоять перед очарованием рекламы и вошел в большие стеклянные двери. Взяв корзину из стопки, расположенной прямо у входа, он направился вглубь магазина, где незадолго до открытия невидимый для покупателей мерчендайзер разложил всевозможные мясные деликатесы. Бродя между полками, Гэлбрайт немного съёжился от холода в помещении — кондиционеры работали на полную мощность. Он не особенно опасался подхватить простуду, но всё же, с мокрой от пота шеей, он не мог сказать, что ему было очень приятно ощущать такую разницу температур.

Несмотря на богатый ассортимент, представленный в этом продуктивном магазине, Гэлбрайт не смог найти то, что искал. Ему просто нужно было быстро перекусить на ходу каким-нибудь вкусным сэндвичем, но в этом магазине, к сожалению, предлагались продукты только для домашнего застолья в кругу семьи. Поэтому Гэлбрайт, сожалея, что зря потратил время на посещение этого заведения, поставил корзину возле кассы и уже собирался уходить, как вдруг его внимание привлек тучный человек, стоявший возле отдела, где в пластиковых ящиках были навалены орехи. Этот господин, одетый в серый демисезонный плащ длиной до колен, украдкой огляделся по сторонам и, зачерпнув ладонью горсть арахиса, сунул руку в свой бездонный карман.

Гэлбрайт, будучи полицейским инспектором, не мог не проигнорировать такой факт нарушения закона. Он обменялся взглядами с продавцом, молодым парнем, который стоял за прилавком со скучающим видом. После этого Гэлбрайт быстро подошел к нарушителю закона и, стараясь придать своему голосу как можно более суровое выражение, сказал:

— Ну-ка, молодой человек, покажите мне, что у вас в карманах!

«Молодой человек» выглядел старше самого Гэлбрайта лет эдак на десять, но суть подобного обращения заключалась в том, чтобы застать преступника врасплох, что инспектору удалось в совершенстве. Толстяк в плаще потрясенно обернулся и уставился на Гэлбрайта своими крошечными глазками, которые, казалось, пытались спрятаться посреди складок жира на его широком лице.

— Кто вы такой, чтобы так говорить со мной? — человек, застигнутый на месте преступления, пытался скрыть свой страх под маской грубости.

— Это не имеет значения, — спокойно ответил Гэлбрайт, — попрошу вас положить орехи обратно.

— Какие ещё орехи? О чем вы говорите? — с этими словами толстяк отступил на шаг назад, всё ещё держа руку в кармане плаща.

— Я не хочу применять силу, поэтому рассчитываю на вашу добросовестность, — сказал инспектор, не повышая голоса.

Тучный и неуклюжий мужчина трусливо прислонился спиной к стеллажу с консервами, стоящему у него за спиной. Консервные банки грохнулись на бетонный пол магазина, и вор чуть было не поскользнулся на банке с консервированными ананасами.

— Что вам от меня нужно? — теряя самообладание, воскликнул мужчина в плаще, балансируя на одной ноге.

Вместо ответа Гэлбрайт вытащил из-за пазухи свое полицейское удостоверение и невольно улыбнулся, когда увидел, как вытянулось лицо толстяка, который сумел-таки сохранить равновесие посреди разбросанных консервов. Поняв, с кем ему пришлось иметь дело, толстяк наконец-то достал из кармана эту злополучную горсть жареного арахиса и уже собрался было уходить, но властный окрик инспектора «Стоять!» заставил его застыть на месте.

— Ваше имя? Адрес? Место работы? — на автомате Гэлбрайт произнес обычную для таких случаев скороговорку.

— Ирлес... Меня зовут Ирлес Нахт, — словно провинившийся школьник, начал отчитываться этот жалкий человек.

— В огороде бузина, а в Ванкувере граф, — язвительно процитировал инспектор какую-то поговорку.

Гэлбрайту было трудно сдержать свой взрыв веселья — на этого магазинного воришку невозможно было смотреть без смеха. Когда Ирлес уже объявил свое место работы, Гэлбрайт вдруг услышал свое имя и обернулся — в дверях магазина стоял мужчина, который выглядел лет на пять моложе самого инспектора.

— Что, Гэлбрайт, карманника подцепил? — жизнерадостно сказал этот парень, подходя к ним.

— Как видишь, приятель, — ответил Гэлбрайт, стараясь не расслабляться на глазах у Ирлеса.

— Эй ты, старикашка! — молодой человек повернулся к вору. — Тебе так трудно законно приобрести эти несчастные орешки?

Гэлбрайт попытался сдержать своего экспрессивного друга, но тот уже подошел вплотную к трясущемуся от страха толстяку и схватил его за воротник.

— Слушай меня, дурачьё, — злобно прошипел он прямо в лицо магазинному вору, — воровство — это грех! Разве тебя не учили этому в детстве?

В ответ Ирлес издал едва слышный хрип, и молодой человек ещё сильнее сжал его шею.

— Ты плохой ученик! — продолжил он. — Если ты не усвоишь мой урок, я тебе моргалы выколю!

Сказав это, друг Гэлбрайта выставил вперед мизинец и указательный палец правой руки. При виде этого жеста глаза толстяка едва не вылезли из орбит.

— Остановись, ты же полицейский! — крикнул Гэлбрайт, всерьез испугавшись за судьбу вора.

— Как хочешь, — с явным раздражением сказал молодой человек.

Он отпустил Ирлеса Нахта, который не преминул воспользоваться возможностью покинуть магазин от греха подальше. Глядя вслед удаляющемуся человеку в плаще, Гэлбрайт положил руку на плечо своего друга.

— Бог с ним, Фаркрафт. Конечно, я не позволил ему совершить кражу, но и сажать его в тюрьму тоже не собирался.

— Как бы я хотел дать ему пинка на прощание, чтобы он, сарделька варёная, усвоил наконец что воровать нехорошо...

В спокойном голосе этого человека чувствовалась внутренняя сила. «Как у тигра, повелителя джунглей», — невольно подумал инспектор.

— Ты действительно этого хочешь? — Гэлбрайт сделал вид, что принял эти слова за чистую монету.

— Я пошутил, — сразу расслабился Фаркрафт.

Выходя из прохладного помещения продуктового магазина, Гэлбрайт не смог удержаться от взгляда на продавца. У парня за кассовым аппаратом было выражение лица, чем-то похожее на то, которое бывает у зрителя в кинотеатре, когда на экране происходит что-то остросюжетное. Очевидно, он никогда раньше не был свидетелем того, как магазинный вор получает по заслугам...

— Взгляни на это! — вдруг услышал Гэлбрайт голос своего друга

Фаркрафт вытащил из кармана газету и протянул её инспектору, который немедленно взял ее в руки.

— Зачем ты мне показываешь... — Гэлбрайт вопросительно посмотрел на него.

— ...самые свежие новости! — перебил его Фаркрафт. — Не моргай глазами, прочти что, и все будет ясно.

Гэлбрайт бегло просмотрел текст. Представленная с характерным журналистским пафосом история об аварии, после которой тяжелораненая жертва была доставлена в больницу, не произвела на мужчину никакого впечатления.

— Кто-то разбил свою машину, что такого необычного? — спросил инспектор, поднимая слегка разочарованные глаза на своего друга.

— А ты только взгляни на его фамилию, — Фаркрафт ткнул пальцем в газету

Гэлбрайт прочитал газетную статью чуть внимательнее. Жертвой этой аварии оказался аптекарь, фамилия которого всего на две буквы отличалась от названия некоего английского города...

— Да какая мне разница? Я никогда не встречал этого человека, — резковато воскликнул инспектор.

— Но я-то его знаю, — улыбнулся его собеседник, — не по-дружески, конечно, но по долгу службы. Ты помнишь как два года назад я ездил за город, чтобы задержать одного инфантильного чудака?

— Хм... Я кое-что припоминаю, — задумчиво произнес Гэлбрайт, — ты тогда сказал мне, что дело было довольно грязным.

— А каким еще может быть дело, в котором замешан маленький ребёнок? — холодно изрёк Фаркрафт.

И Гэлбрайт вспомнил. Да, был случай, как в их полицейское управление поступила жалоба из пригорода о том, что сосед некоего фармацевта подозревается в домогательствах к его несовершеннолетней дочери. Они тогда послали туда фургон с пятью полицейскими и назначили на это дело инспектора Фаркрафта, с которым у Гэлбрайта сейчас как раз был этот разговор...

— Ну да, ублюдка задержали, и что с того? — Гэлбрайт все ещё не мог понять, чем так возбуждён его друг.

— Мне просто кажется странным, — начал Фаркрафт, — что через некоторое время после этого случая с отцом этой девочки произошел несчастный случай.

— Ах, опять эти твои заскоки на мистике, — вздохнул Гэлбрайт, — помнится, ты болтал что-то о каком-то духе...

— Дух Возмездия, да, — кивнул Фаркрафт, — но я думаю, тебе следует навестить этого джентльмена.

— Ты хочешь, чтобы я бросил все свои дела и поехал в больницу? — поморщился инспектор.

— Не ври, последнюю неделю ты ничем не был занят, — справедливо заметил Фаркрафт.

Гэлбрайту пришлось согласиться с этим утверждением.

— Ладно, ладно, по старой дружбе... — будто бы делая одолжение, произнес он. — Но позволь мне спросить, какая тебе польза от того, что я расскажу по возвращению?

— Польза? — удивился Фаркрафт. — Честно говоря, я сам этого не очень понимаю. Знаешь, у меня такое чувство на душе...

Фаркрафт, не сумев выразить свои мысли в понятной другу форме, пожал ему руку и, сказав на прощание «Ни пуха ни пера!», перешел дорогу и зашел в небольшое кафе — видимо, ему хотелось омочить пересохшее от волнения горло. А Гэлбрайт, послав ему в спину полный недоумения взгляд, встал спиной к стене продуктового магазина и принялся внимательно изучать газету. Изучив как следует заметку об аварии, он запомнил адрес больницы, куда была доставлена жертва, и, выйдя на оживленное шоссе, поймал такси. Гэлбрайт задумался о том, что вызвало беспокойство Фаркрафта. Он воспринял слова своего друга о некоем духе мести как мистическую чушь, в которую сам бы никогда не поверил. Здесь явно было замешано что-то иное...

Вскоре Гэлбрайт решил, что лучше не ломать голову над тем, что находится за пределами его понимания. Он просто сказал себе, что, возможно, у него просто нет необходимой информации, и именно из этого обстоятельства проистекает ореол таинственности всей этой ситуации.

Поэтому, не зная, что еще предпринять, инспектор решил завязать разговор с таксистом, но из этого мало что вышло, потому что водитель, в машину которого он сел, был на редкость мрачен и не особенно горел желанием общаться с пассажиром. Поэтому Гэлбрайт, который в ответ на свой наводящий вопрос о погоде получил лишь сухое «Я жив, и это главное», решил, что лучше

будет просто посмотреть в окно.

Наконец, машина доставила инспектора в Портлендский адвентистский медицинский центр, где находился фармацевт, пострадавший в утренней аварии. Гэлбрайт расплатился с таксистом и направился к парадным дверям больницы. К нему тут же подбежала женщина, одетая в форму сестры милосердия.

— Сестра, вы не знаете, куда поместили мистера по фамилии Йонс? — обратился к ней инспектор.

— Вы имеете в виду того, который пострадал в аварии сегодня утром? — спросила женщина.

— Да, конечно, — нетерпеливо сказал Гэлбрайт

— Его определили в хирургическое отделение, это на втором этаже.

— Я смиренно благодарю вас, сестра.

— Подождите, сегодня не приемный день!

Гэлбрайт показал ей свое полицейское удостоверение и решительно вошёл во входные двери. Сестра милосердия последовала за ним с молчаливым недовольством. Поднявшись на второй этаж, Гэлбрайт встретил какого-то врача и попросил его сказать ему, в какой палате лежит нужный инспектору человек. Врач, сказав ему, что беспокоить этого пациента крайне нежелательно для его здоровья, проводил Гэлбрайта до нужной двери и, приложив палец к губам — видимо, это был знак, чтобы тот не повышал голос в палате — впустил его внутрь.

Гэлбрайт увидел огромного и коренастого немолодого мужчину, который лежал на больничной койке под белым одеялом. Его мощная грудь медленно вздымалась от шумного дыхания. Посетителю показалось, что мистер Йонс немного похож на старого медведя, который вот-вот впадет в спячку. Возможно, инспектора натолкнуло на подобную мысль странное выражение лица этого человека — левая сторона лица бедняги онемела, из-за чего его рот искривился в ужасной гримасе.

— У него паралич Белла, — прошептал доктор Гэлбрайту.

Инспектор даже не повернулся в сторону медика — вместо этого он тихо приблизился к больничной койке, стараясь ступать как можно тише.

— Мистер Йонс, — стараясь не повышать голос, обратился он к мужчине, лежащему на кровати, — я из полиции Портленда...

— Полиции, — вдруг послышался глубокий бас пациента, который, не мигая, продолжал смотреть в потолок.

Гэлбрайт ожидал услышать от него ещё хоть что-нибудь, но, видимо, мистер Йонс просто отреагировал на это волнующее слово и автоматически повторил его. Постояв так с минуту, посетитель повернулся и вышел из палаты.

— Мы постараемся приложить все свои усилия, но в лучшем случае он не сможет мыслить здраво, — сказал доктор. — На самом деле он не был серьезно ранен — на его теле не было обнаружено никаких повреждений, но у него серьезные проблемы с психикой...

— Могу я позвонить отсюда? — Гэлбрайт прервал эту малоинтересную для него тираду.

— Да, конечно, телефон в конце коридора.

По голосу врача было видно, что он рад узнать, что полицейский уже закончил свой визит и скоро покинет больницу. Гэлбрайт подошел к телефону, размышляя по пути, куда бы ему позвонить, чтобы Фаркрафт определенно мог ответить ему. Его определенно сейчас не было дома, и вряд ли ему что-нибудь было нужно в полицейском участке в это время... В конце концов, Гэлбрайт решил позвонить в кафе, куда, как он помнил, его друг зашел после их встречи в магазине. И он не ошибся — спросив, может ли владелец позвать Фаркрафта к телефону и получив «Да, подождите немного», Гэлбрайт оживился. Через полминуты его друг взял трубку.

— Здорово, приятель, это ты?

— Привет, сейчас я нахожусь в Портлендском адвентистском медицинском центре.

— Спасибо, что исполнил мою прихоть.

— Не знаю, расстроит ли тебя то, что я скажу, но, короче говоря, мистер Йонс получил повреждение мозга.

— Мои соболезнования... Так ты узнал что-нибудь из его уст?

— Всё, что он смог сказать, лишь как попугай повторить за мной слово «полиция». Мне показалось, что это оттого, что у него была какая-то психическая травма, связанная с этим.

— Ну, ну, если бы ты был отцом маленькой девочки, ты был бы ещё не так расстроен, когда твою... Кхм-кхм...

— Это совсем вылетело у меня из головы.

— Ах ты дырявая башка. Ладно, чёрт с ним. Кстати, как ты догадался, что я в кафе?

— Я видел, как ты туда зашёл.

— И ты подумал, что я застрял здесь надолго? Ха-ха, ты был совершенно прав.

— Что ж, удачи с этим.

— Мы еще встретимся!

Гэлбрайт повесил трубку. И в самом деле, увлекшись изучением газеты, он совершенно забыл о том, что Фаркрафт помимо всего прочего напомнил ему о прошлогоднем инциденте. «Ладно», — подумал он, выходя на улицу, — «я выполнил просьбу моего друга, так что же дальше»? Инспектор спросил сестру милосердия, где здесь остановка общественного транспорта...

Добравшись до ближайшей к полицейскому управлению автобусной остановки, Гэлбрайт вышел из автобуса и, размяв затекшие от стояния ноги (все места были заняты), сразу же направил их туда.

Щурясь от солнечного света, Гэлбрайт подошёл вплотную к фасаду трехэтажного здания, выходящего на величественную зеленую площадь. Он протянул руку к медной ручке двойной двери, но в следующую секунду ему навстречу вышел сержант в синей фуражке на голове.

Гэлбрайт резко шагнул в сторону, уступая ему дорогу, но молодой человек замер на месте и посмотрел на инспектора, слегка прищурившись.

— Добрый день, мистер Гэлбрайт, — сержант поднес руку к фуражке.

— Привет, Соссюр, — ответил инспектор с некоторым недоумением.

— Вас желает увидеть господин главный инспектор Сеймур, — сообщил он бодрым тоном

Услышав это, Гэлбрайт невольно пал духом.

— По какому такому поводу? — спросил он молодого человека слегка запинаящимся голосом.

— Он ждет вас в своем кабинете, — Соссюр проигнорировал его вопрос и пошел дальше.

Гэлбрайт не смог отказать себе в удовольствии проследить взглядом этого жизнерадостного молодого человека, который, на ходу надевая свою фуражку, быстро шёл вверх по улице, слегка наклонив вперед свою кудрявую голову. «Интересно», — подумал Гэлбрайт, — «отчего этот молодой человек так счастлив»...

Инспектор вошел в двери полицейского управления, но он не спешил сразу подниматься наверх — для начала он решил проверить правдивость слов сержанта и заглянул в комнату дежурного офицера, где обнаружил старину Полинга, который, как всегда, сидел за своим столом. В этот момент он наливал себе кофе, а чуть поодаль на диване у окна дремали двое полицейских. При появлении инспектора Полинг слегка вздрогнул и, поставив кофейник на стол, поднял голову.

— Простите, я действительно нужен господину главному инспектору Сеймуру сейчас? — спросил Гэлбрайт старика.

— Конечно, — ответил дежурный офицер, — или вы забыли, что сегодня заседание по делу Фаркрафта?

— Что? — услышав имя своего друга, Гэлбрайт оживился.

— Все остальные уже в кабинете главного инспектора, только вас не хватает, — старик моргнул два раза, будто от яркого света.

— Почему меня никто не предупредил об этом заранее?

— Я хотел, чтобы Дэвид уведомил вас, — сказал Полинг, имея в виду своего помощника, — но господин главный инспектор Сеймур убедил меня не беспокоить...

Гэлбрайт не стал выслушивать старика до конца и покинул кабинет дежурного офицера. Надо же, Сеймур специально не предупредил его заранее о важной встрече. Похоже, господин главный инспектор хотел выставить своего сотрудника идиотом, который якобы вечно не у дел. С этими мыслями Гэлбрайт взбежал по лестнице на второй этаж и первым делом вбежал в свой собственный кабинет. Беспорядок, царивший на письменном столе, указывал на то, что владелец не прикасался к своим бумагам уже несколько дней, но инспектора это не волновало — сняв свой светло-серый пиджак, он повесил его на спинку стула и, поправив галстук, вышел обратно в коридор.

Подойдя к двери, ведущей в кабинет главного инспектора, Гэлбрайт немного поколебался.

Переведя дыхание, он тихо постучал и, осторожно приоткрыв дверь, просунул голову внутрь. Как и следовало ожидать, во главе письменного стола из красного дерева восседал сам господин главный инспектор Сеймур. Ему было около пятидесяти лет, но его аккуратно зачесанные назад черные волосы и тщательно выбритое лицо делали его моложе. Под его строгим черным сюртуком виднелась белая манишка с галстуком кофейного цвета.

Сеймур, казалось, не заметил, как вошел инспектор. Он даже не оторвал глаз от открытой папки, лежащей перед ним, лишь слегка приподнял брови и перелестнул страницу — было очевидно, что этот документ вызывал у него неподдельный интерес. Гэлбрайт пожал плечами и направился к длинному столу, на котором стояли графин с водой и четыре полных стакана.

Он отодвинул свой стул и собрался было сесть, но в этот момент господин главный инспектор оторвал взгляд от документов и сделал знак всем присутствующим встать со своих мест. Остальные участники совещания, которыми были инспектор Фаркрафт, медик Морис и молодой лейтенант Нелиссен, немедленно подчинились. Сеймур поднялся со своего места и, вежливо кашлянув, заговорил:

— Итак, джентльмены! — он поднял свою анемичную руку. — Настоящим я объявляю заседание открытым. Предоставляю инспектору Фаркрафту возможность кратко изложить факты.

После этих слов Сеймур опустился в глубокое кресло и легким кивком головы подал знак молодому инспектору. Фаркрафт вытащил из-под стола свой черный кожаный портфель и, открыв его, вытащил из него толстую папку. Гэлбрайт принял из рук своего друга увесистую стопку белоснежных листов формата А4 и начал их просматривать. Они были сверху донизу покрыты машинописным текстом. Типографская краска еще не высохла и поэтому немного размазалась под пальцами Гэлбрайта. Все остальные тоже получили по стопке бумаг, и Фаркрафт, закончив раздачу, вернулся на свое место и встал рядом со своим стулом.

— Внимание, джентльмены, не спешите читать эти бумаги, — сказал инспектор, заметив, как медик Морис начал нетерпеливо перелистывать страницы.

Все присутствующие оторвали глаза от стопки бумаг, лежащих перед ними, и с интересом уставились на молодого инспектора. Гэлбрайт не мог не заметить, как Фаркрафт прикусил губу и смутился, когда толстый Морис шумно зевнул, прикрыв рот рукой.

— Итак, — начал Фаркрафт немного нерешительно, — на повестке дня у нас стоит одно дело. Бумаги, которые я вам роздал, представляют собой ксерокопии черновиков моего материала, который я пишу в рамках расследования. Сейчас я хочу вкратце донести до вас суть этого дела, а с деталями вы ознакомитесь в удобное для вас время.

После этих слов Фаркрафт протянул руку к графину, стоящему посреди стола, и налил себе полный стакан. Выпив воду залпом, инспектор поставил ее на стол и, вытерев губы тыльной стороной ладони, внимательно оглядел собравшихся.

— Все началось примерно в начале июля. Первая смерть была зарегистрирована через пять дней после Дня независимости Соединенных Штатов Америки.

— Вы забыли упомянуть, где это произошло, — перебил его медик Морис.

Фаркрафт бросил на толстяка недовольный взгляд и продолжил.

— Специально для мистера Мориса я объясняю, что все четыре случая произошли в разных

местах нашего города. Сначала я назову вам имена жертв — Теодор Бекель, Пенелопа Конвей, Александр О'Брент и Деннис Лэнг.

Гэлбрайт заметил, что, когда Фаркрафт произносил третье имя, в его голосе прозвучали нотки враждебности, как будто он говорил о каком-то низменном и презираемом человеке. Перечислив имена, его друг вернулся к своему обычному беспристрастному тону, но инспектор почувствовал, как тому было трудно сдерживать свой гнев.

— Прежде чем начать рассказ, я вынужден сделать небольшое отступление. Я бы ни за что не объединил эти четыре смерти под одной крышей, если бы не один любопытный факт — имена всех жертв были греческого происхождения.

Сказав это, Фаркрафт перевел дыхание, словно собираясь с силами. Морис скривил рот и сказал с заметным раздражением:

— Вы опять несете свою сверхъестественную чушь!

Это замечание привело молодого инспектора в ярость. Глядя на медика и стараясь сохранить официальный вид человека, выступающего на совещании, Фаркрафт сказал:

— Если мистер Морис полагает, что я придаю этим смертям какую-то антинаучную форму, то пускай он продолжает так думать, но лично я не собираюсь прекращать свое расследование.

В этих словах Фаркрафта чувствовалось, что он конкретно устал от замечаний толстяка — несомненно, он уже ненавидел его всем сердцем. Медик невольно опешил от этих слов, но, встретившись взглядом с господином главным инспектором, смог проглотить упрек и даже попытался сделать безразличное лицо, что у него не очень хорошо получилось.

— Я попрошу инспектора Фаркрафта вернуться к изложению его дела, — заговорил господин главный инспектор.

После этих слов он внезапно повернул голову к Гэлбрайту. Взгляд Сеймура был странный, как будто полный скрытого веселья. Гэлбрайт невольно поежился — казалось, глаза главного инспектора говорили ему «Учись на ошибках своего друга, контролируй свои эмоции!».

Фаркрафт же был более чем доволен эффектом, который произвели его слова на Мориса. Взяв себя в руки, он вернулся к своей речи.

— Итак, начну по порядку. Первой жертвой стал Теодор Бекель, уборщик в «Юнион Уэй». На первый взгляд, то, что с ним произошло, было не более чем несчастным случаем — возвращаясь домой с вечерней смены, бедняга попал под машину.

— Где это произошло? — спросил главный инспектор.

— Прямо на пешеходном переходе перед торговым центром, — вежливо ответил Фаркрафт, — смерть наступила мгновенно, колеса машины превратили его голову в кашу из костей и крови.

Внезапно в кабинете раздался тихий крик. Все повернули головы в сторону Нелиссена — лицо лейтенанта приобрело мертвенно-белый оттенок. Молодой человек быстро заморгал и открыл рот, но не мог произнести ни звука.

— Что с ним? — еле слышно пробормотал Гэлбрайт себе под нос.

Эти слова не остались незамеченными дородным медиком, который тут же наклонился к инспектору.

— Гематофобия, парень боится одного упоминания крови, — громко храпя, прошептал Морис Гэлбрайту.

«И как только таких юнцов берут на работу в полицию», — подумал Гэлбрайт, глядя на Нелиссена. Молодой лейтенант наконец смог взять себя в руки и, сглотнув слюну, посмотрел на Фаркрафта, по лицу которого было видно, что тот был крайне недоволен реакцией молодого человека на его рассказ. Тут господин главный инспектор Сеймур снова заговорил.

— Как вам удалось опознать тело? — обратился он к Фаркрафту.

— Понять, что тело принадлежало пятидесятилетнему уборщику «Юнион Уэй», было детской забавой — к его рабочей форме был прикреплен значок с надписью «Т. Бекель».

— Очень хорошо, — казалось, Сеймуре понравилась логика этого объяснения, — что было дальше?

— Теперь приступим к описанию случая со второй жертвой — Пенелопой Конвей, двадцатилетней продавщице в магазине беспрошальной торговли, специализирующуюся на всевозможных порошках — стиральных, от насекомых и тому подобных.

Гэлбрайта немного позабавило то, как Фаркрафт преподнёс своим слушателям профессию этой женщины — складывалось ощущение, что его друга так и подмывало назвать покойную метким словом «повелительница порошков», но официальный стиль, которого он вынужден был придерживаться, не позволял ему ввести подобные слова в свою речь.

— Продавщица была найдена мертвой в своей квартире, её тело было обнаружено её собственной тетей, которая пришла к ней, чтобы подарить ей некую книгу, рассказывающую о древнегреческих мифах.

— Причина смерти? — сухо спросил Сеймур.

— Это сложный вопрос с медицинской точки зрения, — вздохнул рассказчик, — на теле погибшей не было обнаружено никаких признаков насилия или видимых телесных повреждений.

— Что-то подсказывает мне, что тут имело место быть отравление, — высказал Морис свою догадку вслух.

— Вы думаете, что Пенелопа Конвей покончила с собой? — похоже, Фаркрафту не понравилось это предположение

— Я не видел труп этой женщины, откуда мне знать наверняка? — медика задели слова инспектора. — Я просто строю предположения.

Гэлбрайту было немного забавно наблюдать, как толстяк, который ранее перебивал Фаркрафта, теперь сам начал оправдываться перед молодым инспектором. Его невольно охватило чувство гордости за своего друга.

— Во что была одета женщина, когда было обнаружено её тело? — неожиданно задал вопрос Сеймур.

Этот вопрос смутил Фаркрафта, который начал рыться в карманах своего пиджака, прежде чем ответить. Секунду спустя он поднял голову, и Гэлбрайт заметил, что щеки его друга покрылись легким румянцем смущения.

— Ну... На покойной было легкое белое платье, — пробормотал он, запинаясь, — стянутое атласной лентой.

— Во что она была обута? — неумолимо продолжал спрашивать господин главный инспектор.

— У продавщицы на ногах были альпартаты с завязками вокруг щиколоток, — ответил Фаркрафт, глядя вниз.

«Как будто смущение молодого человека доставляет Сеймуру удовольствие», — подумал Гэлбрайт, глядя на главного инспектора, лицо которого выражало одновременно интерес и скрытую веселость.

Нетрудно догадаться, что Фаркрафту хотелось как можно быстрее уйти от темы покойной продавщицы. Несомненно, дело было в том, что, будучи холостяком, ему было трудно отвечать на вопросы господина старшего инспектора относительно предметов женского гардероба. Поэтому он немедленно перешел к описанию следующего несчастного случая.

— Далее речь пойдёт о тридцатидвухлетнем Александре О'Бренте, — продолжил он свою речь, — он был, как бы помягче выразиться... — Фаркрафт сделал паузу, подыскивая слова.

«Кем был этот человек при жизни, если полицейский испытывает смущение, пытаюсь описать его?» — думал Гэлбрайт, рассеянно прислушиваясь к тому, что происходило в кабинете старшего инспектора.

— Он был проводником ночных фей, — выдавил из себя его друг.

Гэлбрайт понял, какую профессию имел в виду Фаркрафт, и решил прийти ему на помощь.

— Пимпф, он был пимпфом, — впервые за всё время этого заседания он подал свой голос.

Все присутствующие дружно повернули головы и в изумлении уставились на инспектора. В кабинете воцарилась тишина, но он только улыбнулся в усы.

— Вы, наверное, оговорились, — заметил Морис с дрожью в голосе.

Гэлбрайт не ответил медику, лишь кивнул в сторону Фаркрафта, как будто говоря всем остальным прислушаться к его другу и не обращать на него никакого внимания. Положив руки на стол, инспектор подумал, что если бы кто-нибудь из присутствующих разделял его предпочтения в музыке, то никому бы и в голову не пришло удивляться его фразе.

— Я хочу добавить, — после минутной паузы продолжил докладчик, — что мистер О'Брент был родом из Атланты, штат Джорджия, где до этого он работал кассиром в ресторане быстрого питания «Чик Фил Эй».

— Ха, — внезапно перебил его Нелиссен, — сначала этот недоучка продавал курочек поджаренных, а потом переключился на цыпочек наманикюренных!

Видимо, этой пошлой шуткой молодой лейтенант хотел разрядить обстановку, но успеха в этом ему добиться не удалось — все сидящие за столом хранили молчание и неодобрительно

смотрели на молодого человека. Фаркрафт был недоволен больше всех — казалось, еще немного, и он подойдет к лейтенанту и схватит его за шею. Но, к облегчению Гэлбрайта, его друг смог взять себя в руки.

— Определить, от чего умер Александр О'Брент, было несложной задачей, — продолжил Фаркрафт, — его тело было найдено в номере «Истсайд Лодж», куда его вызвала одна из его подчиненных.

— Имя девушки лёгкого поведения? — спросил Сеймур, чеканя слова.

— Мисс Ф... — начал было Фаркрафт

Внезапно на весь кабинет раздался высокий и пронзительный крик «Апчи!». Это снова был лейтенант Нелиссен. Прикрыв рот левой рукой, молодой человек правой вытирал слёзы с глаз. Казалось, что он намеренно саботировал речь инспектора Фаркрафта. С большим усилием Нелиссен придал своему лицу спокойное выражение и посмотрел на всех присутствующих виноватым взглядом.

— И-и-извините, пожалуйста! — нервно сказал лейтенант под хмурыми взглядами остальных.

Фаркрафт тяжело вздохнул. «Я понимаю тебя, дружище», — с сожалением подумал Гэлбрайт, — «Нелегко, когда тебя постоянно перебивают».

— По какому вопросу ночная бабочка вызвала мистера О'Брента? — спросил Сеймур, как будто ничего не заметив.

— Это был тривиальный момент, — оживился Фаркрафт, — она наткнулась на нервного клиента, который категорически отказался ей платить.

— Имя клиента? — господин старший инспектор задавал вопросы с безразличием автомата.

— Тридцатичетырехлетний Юджин Вудс. К сожалению мы пока не смогли установить его место работы, — ответил Фаркрафт.

— Старайтесь усерднее, — сказал Сеймур с отеческой интонацией.

— Как нетрудно догадаться, — инспектор проигнорировал это замечание, — О'Брент встретил свою смерть прямо в номере мотеля. Клиент впал в состояние аффекта и прямо на глазах у ночной бабочки пырнул пимпфа ножом под рёбра, а когда тот упал на пол, мистер Вудс в ярости принялся пинать его ногами.

Гэлбрайту было приятно осознать, что его друг использовал его фразу для описания профессии покойного. «По крайней мере, хоть кому-то эта группа принесла пользу», — иронически подумал он.

— Когда полиция прибыла на место преступления, то от мужского достоинства Александра осталось только ужасное кровавое месиво, — сказал инспектор.

Молодой лейтенант снова издал крик ужаса, но никому не было дела до его фобии — особенно Гэлбрайту, которого гораздо больше беспокоил тот факт, что, когда Фаркрафт говорил о смерти Александра О'Брента, в его голосе слышался такой порыв, что казалось, будто инспектор невольно поощрял действия убийцы. «Что плохого этот человек сделал моему другу, если он так сильно его ненавидит?» задумался Гэлбрайт.

После этих слов Фаркрафт перевел дыхание — казалось, он был рад, что закончил рассказ о человеке неблагородной профессии.

— Последней жертвой был Деннис Лэнг, — произнося это имя, инспектор невольно улыбнулся, — он был энтомологом, живущим в пригороде Портленда. Добрейшей души человек...

— Слюни не пускайте, а? — отчитал инспектора медик

— Деннис умер как настоящий альтруист, — продолжил Фаркрафт, — он отдал свою жизнь, чтобы спасти другого.

— Мистер Морис прав, — перебил его Сеймур, — вам следует сосредоточиться на фактах, а не на личности покойного.

— Хорошо, — неохотно уступил Фаркрафт, — дело было так — однажды Лэнг прогуливался возле своего дома и увидел маленького мальчика, убегающего с душераздирающими криками от бешеной собаки.

— Ты это говоришь так, словно был очевидцем того происшествия, — не удержался от комментария Гэлбрайт.

— Эти подробности мне сообщила его соседка, миссис Сандерленд, — небрежно ответил его друг. — В общем, энтомолог бросился на помощь малышу, но, к сожалению, споткнулся о камень и упал прямо перед носом гончей, которая не отказала себе в удовольствии напасть на лежащего перед ним человека.

— А с мальчиком-то всё в порядке? — с некоторым сочувствием спросил господин главный инспектор.

— Малыш был спасен, — с улыбкой сказал Фаркрафт, — но ценой жизни своего спасителя, — его лицо снова помрачнело. — Когда беднягу Денниса Лэнга доставили в больницу, его тело было настолько повреждено зубами бешеного животного, что он, не приходя в сознание, покинул этот мир в тот вечер прямо на больничной койке.

— Что случилось с бешеной собакой? — поинтересовался Сеймур.

— По словам миссис Сандерленд, гончая, расправившись с энтомологом, убежала в неизвестном направлении. Мы не стали утруждать себя её поисками.

— Конечно, ведь братья наши меньшие не стоят перед законом, — не удержался Гэлбрайт.

— Ты забыл, что у собаки может быть хозяин, — Фаркрафт посмотрел на своего друга.

— Неважно, — пожал плечами инспектор.

После этих слов он переключил свое внимание на Нелиссена — история о жестокой смерти от зубов животного произвела впечатление на лейтенанта, и молодой человек сидел, смущенно уставившись прямо перед собой. Сам Гэлбрайт не мог не заметить этого и даже проникся к нему некоторой жалостью, подумав о том, что должно быть трудно человеку со страхом крови работать в полиции и выслушивать подробности о человеческих смертях.

Фаркрафт, закончив свою речь, налил себе еще воды из графина и, осушив полный стакан, окинул внимательным взглядом своих слушателей. Большинство сохраняло невозмутимое

выражение лица, и даже Нелиссен пришел в себя и поднял голову. Затем господин главный инспектор Сеймур поднялся со своего места.

— Что ж, джентльмены, я надеюсь на то, что рассказ инспектора Фаркрафта дал вам представление о том, с каким делом столкнулось наше полицейское управление, — провозгласил он. — Теперь пришло время высказать свои комментарии по этому поводу.

Первым, кто заговорил, был Морис. Потирая виски обеими руками, медик поднялся со своего места и, посмотрев на Фаркрафта, заявил:

— Вот уже пятнадцать лет я занимаюсь криминальной медициной, — начал он с едва скрываемым презрением, — но я не могу взять в голову, как мистеру Фаркрафту пришла мысль связать воедино четыре совершенно разные смерти.

Инспектор, к которому обратился медик, заложив руки за спину и с ненавистью смотрел на толстяка.

— Я утверждаю, — продолжал Морис, — что смерть от укусов бешеной собаки и смерть под колесами автомобиля, конечно, имеют сходство в том, что это несчастные случаи, но...

Однако ему не удалось закончить свою речь.

— Мне противно, — довольно грубо перебил его Фаркрафт, — когда люди лезут в воду, не зная броду.

— Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне? — лицо толстяка покраснело, и он сжал кулаки.

Господин главный инспектор поднял руку, чтобы успокоить разъяренных коллег, и тут произошло неожиданное — Фаркрафт, потеряв самообладание, бросился к выходу из кабинета. Гэлбрайт обернулся и увидел, как его друг, громко хлопнув дверью, исчез в коридоре. «Сами виноваты, не следовало его прерывать», — подумал Гэлбрайт о Морисе и Нелиссене. А тем временем Сеймур поднялся со своего места и положил обе руки на стол.

— Я думаю, что с уходом человека, по делу которого мы собрались в этом кабинете, я могу себе позволить объявить встречу официально закрытой, — заявил он невозмутимым тоном.

Эти слова господина главного инспектора Сеймура послужили знаком всем, кто всё еще сидел за столом. Дородный медик с шумом отодвинул свой стул. Бормоча что-то себе под нос о невоспитанной молодежи, Морис удалился. Молодой лейтенант Нелиссен последовал за ним. Гэлбрайт, глядя им вслед, не спешил уходить. Он налил себе немного воды из графина и медленно, маленькими глотками осушил стакан. Только после этого он направился к выходу из кабинета главного инспектора, по пути бросив взгляд в окно, за которым ярко светило солнце.

Размышляя о том, что так разозлило Фаркрафта в словах медика Мориса, инспектор направился к станции метро — ибо это был кратчайший путь к его дому. Солнце уже всю сияло на небе — в конце концов, был уже полдень. Гэлбрайт спустился по ступенькам вниз и, почувствовав приятную прохладу, присоединился к плотному потоку людей. Затем, остановившись у мраморной колонны, Гэлбрайт, ожидая поезда, стал смотреть на остальных ожидающих.

Он не знал, кого пытался найти среди этих возвращающихся на обед клерков, матерей с детьми и так далее, но он просто хотел по-настоящему почувствовать, что находится в толпе.

Одиночество не было для него чем-то таким, что могло бы заставить его потерять голову, но иногда инспектору хотелось оказаться в месте с большой группой людей — видимо, таковы были веления стадного инстинкта, который временами вырывался на свободу откуда-то из подвалов разума современного человека...

Впервые за весь день Гэлбрайт почувствовал, что было бы неплохо затянуться. С этой целью он отошел от колонны и, ища, куда бы присесть, достал из кармана куртки пачку дешевых сигарет, которые всегда покупал в больших количествах через своего друга-лавочника. Увы, все скамейки были облюбованы молодыми парами, детьми и их мамами. «Что ж, придётся набраться терпения, полицейский», — усмехнулся он в усы и, поднеся зажигалку к сигарете, вернулся к столбу, обклеенному рекламными объявлениями — это дало Гэлбрайту ощущение хоть какой-то опоры, поскольку он чувствовал себя немного неловко, когда стоял на виду перед толпой ожидающих.

Инспектор с удовольствием втянул в рот приятно пахнущий табаком дым. «О да», — подумал он, — «как хорошо, что законы штата, в котором я живу, еще не запрещают курильщикам предаваться своим удовольствиям под землей»... И вообще, продолжал он думать про себя, немного забавно, что правительство с почти маниакальным рвением вводит запреты на распространение и употребление наркотиков, но при этом считает абсолютно нормальным позволять работать миллионам магазинов, торгующих алкоголем и табачными изделиями. Но стоит таможеннику случайно обнаружить крошечный пакетик героина в чемодане какого-нибудь застенчивого молодого человека, то тогда хоть святых выноси...

Гэлбрайт, проработавший инспектором в полиции Портленда десять лет, считал, что мысли подобного рода приходят в голову каждому, кто стоит на страже порядка.

— О табак, ты — мир... — вырвалось у него случайно.

Какой-то старик, стоявший поодаль от него, вдруг дернулся всем телом и, бросая на инспектора взгляды, полные презрения, направился ближе к тому месту, откуда должен был появиться поезд. Видимо, он был идейным противником курения, а может быть, ему просто казалось, что этот усатый мужчина средних лет без ума от сигарет, раз он произнёс такие странные словечки... Гэлбрайта это не волновало — он, делая одну затяжку за другой, просто убивал время в ожидании поезда.

Наконец до его ушей донесся характерный звук мчащегося по рельсам поезда метро. Гэлбрайт медленно отошел от колонны и стал ждать, когда тот прекратит свое движение. Однако, когда массивные железные двери, издав громкое шипение, услужливо открыли путь в залитые желтым светом вагоны, инспектору пришлось еще некоторое время постоять на холодной остановке — ибо он, как существо мужского пола, по праву рождения должен был уступать дорогу лучшей половине человечества.

Он наблюдал за тем, как матери подхватывают своих детишек и протискиваются в двери вагона метро. Очень мило, с сарказмом подумал Гэлбрайт, что ему повезло спуститься в метро как раз тогда, когда миллионы матерей спешили домой, чтобы с раннего детства привить своим детям привычку, что во время обеденного перерыва они должны садиться за стол и чуть ли не насильно поглощать безвкусную, но такую полезную кашу... Инспектор понимал, что за тридцать один год своей жизни он уже не мог помнить, каково это — быть ребенком, но, будучи идейным холостяком, Гэлбрайт не особенно уважал — или, скорее, просто презирал — всю эту жизнь в семейном кругу.

Когда инспектор наконец-то смог войти в вагон и занять место в углу, он продолжил

размышлять об этом. Дети, прости Господи... Кто это вообще такие? Да ничего особенного — так, самые обычные люди, которые, согласно закону, еще не достигли совершеннолетия. Лица, которые одним фактом своего существования на этой грешной земле доставляют много хлопот как своим родителям, так и окружающим. «Чем меньше существо, тем больше проблем оно приносит», — продолжал размышлять инспектор, глядя на безвкусные плакаты, которые были расклеены по стенам вагона. Ему было забавно осознавать, что самые длительные тюремные сроки, какие только можно себе представить, были связаны с этими крошечными существами... Гэлбрайт поймал себя на мысли, что в своих мыслях умудрился зайти так далеко, что невольно разделил всё человечество на две касты — взрослых и несовершеннолетних, причем его отношение к последним нельзя было назвать положительным.

— Господи, куда меня несёт? — воскликнул Гэлбрайт, забыв, что находится в переполненном вагоне метро.

Он услышал смех и едкие комментарии в свой адрес. Это была группа из нескольких подростков, которых, казалось, позабавило несколько испуганное выражение его лица. Гэлбрайт посмотрел на них суровым взглядом служителя закона, но те и не думали затыкаться. И в самом деле, с чего это вдруг они должны бояться человека, который всем своим внешним видом вообще не показывает, что работает в полиции? Ведь в этом и заключалась суть его работы — стараясь не вызывать подозрений, искать информацию.

Но Бог с ними, подумал Гэлбрайт о подростках, обзывающих его. Хотя всё же ему не стоило так кричать, нужно держать себя в руках на публике... С этой мыслью инспектор скрестил ноги и устался в противоположный угол вагона. Стараясь не обращать внимания на слова подростков, Гэлбрайт внезапно почувствовал, как по его кровеносным сосудам начало распространяться беспокойство. Его подсознание, казалось, кричало своему владельцу «Случилось несчастье!». Непонятно, что именно и непонятно когда, но произошло что-то недоброе и неизбежное...

Не отрывая взгляда от противоположной стороны вагона, инспектор понял, что в поле его зрения появилось знакомое лицо. Оглядев своих попутчиков, он, наконец, остановился на мужчине, который, откинув голову на перегородку, спал на своем месте. Гэлбрайт прищурился. Тело этого человека ритмично раскачивалось в такт движению поезда. Левая рука, которая до этого лежала на коленях спящего, внезапно повисла в момент очередного поворота вагона и начала раскачиваться, как сухой лист дерева на ветру, в то время как нижняя челюсть постепенно медленно опускалась вниз.

Гэлбрайт, не упуская из виду этого человека, привлечшего его внимание, подумал о том, что тот спит как убитый. Вместе с этой мыслью чувство беспокойства в его венах постепенно перешло в жгучий ужас. Инспектор начал прокручивать в голове моменты сегодняшнего дня, как его вдруг осенило — лицо этого человека, который в этот самый момент спал в том конце вагона, ему уже довелось увидеть этим утром в палате Портлендского адвентистского медицинского центра...

Инспектору показалось, что чей-то высокий, видимо, детский голос, прошептал ему прямо на ухо «Смотри на него, смотри хорошенько». Гэлбрайт испуганно помотал головой по сторонам — нет, всё в порядке, никого рядом с ним нету. Но в его сознании, как навязчивая идея, возникло сильное желание подойти к этому спящему, разбудить его и в случае, если тот испугается и убежит от него, броситься за ним в погоню...

— Похоже, кто-то развлекается надо мной, — тихо пробормотал инспектор.

В то же время в нем проснулся здравый смысл, и постепенно он смог подавить в себе это дурацкое желание. И в это время вагон остановился на нужной остановке. Гэлбрайт встал и, дождавшись, когда матери и дети выйдут, посмотрел на спящего мужчину. Тот, не открывая глаз, продолжал сидеть с открытым ртом. Инспектор вышел наружу и, поднявшись на поверхность, начал обсуждать сам с собой это происшествие. Что бы он получил, если бы подбежал к этому человеку? Неужто спросил бы его «Как вы тут оказались, мистер Йонс?», или же взял бы его под наблюдение? Ни то, ни другое не имело абсолютно никакого смысла. Инспектор успокоил себя тем, что, возможно, на его подавленное настроение после встречи повлияла сегодняшняя поездка в больницу.

Гэлбрайт, погруженный в свои мысли, даже не заметил, как оказался на Эббаутс-стрит. Вот дом, где он живёт. Трехэтажное здание, выполненное в английском стиле. На втором этаже этого дома располагалась его уютная двухкомнатная квартира — а что еще нужно инспектору полиции, который большую часть своего времени проводит вне её стен? Войдя в дом, он поднялся к себе на лестничную клетку и, переступив порог, закрыл дверь на ключ, после чего не преминул разуться. Сунув ноги в тапочки, Гэлбрайт решил, что вместо новых лакированных туфель, которые он купил пару дней назад, было бы лучше пойти завтра на работу в старых добрых кожаных лоферах. Да, подобная обувь не особенно сочетается с его строгим серым костюмом, но это совершенно не важно — он ведь собирается не на выставку мод, а просто в полицейский участок...

После насыщенного событиями дня Гэлбрайту не особенно хотелось приступить к изучению материалов, которые его друг раздавал в кабинете главного инспектора. Он просто хотел расслабиться, поэтому, оказавшись в знакомой домашней обстановке, не стал терять времени на то, что ему не хотелось. Гэлбрайт пошел на кухню и, наполнив небольшую эмалированную кастрюлю водой, поставил её на плиту. Взяв открытую упаковку макарон со вкусом сыра, он с некоторым раздражением вспомнил сегодняшний инцидент в продуктовом магазине. Что ж, ему нужно было искать не какой-то жалкий бутерброд, а вот это вот творение рук Макинерни и Рика... Ладно, успокоил себя инспектор, он может немного подкрепиться оставшимся количеством макарон, а новые продукты он купит рядом с домом завтра утром. Главное, чтобы ему вновь не «повезло» снова столкнуться с воришкой, чтобы они сквозь землю провалились...

Прежде чем бросить макароны в воду, ему пришлось подождать около девяти минут, дабы та закипела. Чтобы не стоять столбом у плиты, Гэлбрайт пошёл в спальню и, усевшись прямо на покрытый ковром пол, включил телевизор. Инспектора на самом деле не волновало содержание каналов вещания — всё, чего ему хотелось, это заполнить тишину в своей квартире. Голоса людей и музыка были не таким уж и плохим фоном для его одиноких посиделок дома. Было уже темно, но в спальне, которая была наполовину освещена экраном телевизора, Гэлбрайт не стал включать свет — с детства у него была любовь к темноте. В его памяти были свежи воспоминания о том, как по ночам он вылезал из окна и бежал во двор, чтобы забраться на стремянку и сидеть там, глядя на улицу, до тех пор, пока отец, разбуженный скрипом ставней, не прогонял его обратно.

Что получал малыш Гэлбрайт от таких ночных вылазок? Возможно, осознание того, что по обыкновению многолюдные улицы, казалось, вымирали с наступлением темноты? Или же приятное ощущение дуящего со всех сторон ночного ветерка, который, как казалось мальчику, ночью становился вполне осязаемым и похожим на влагу, висящую в воздухе? Увы, ребёнка, который мог бы ответить на этот вопрос, больше не существовало в этом мире — на его место пришёл взрослый, неверующий в чудеса человек. Точнее, вера в них сама по себе никуда не делась, но с возрастом она заметно притупилась и теперь лишь изредка давала о себе знать.

Не выключая телевизора, Гэлбрайт поднялся с пола и пошел на кухню, где в кастрюле,

которую он поставил на плиту десять минут назад, уже всю булькала горячая вода. Бросив в неё все содержимое упаковки от макарон, он уставился на их синюю картонную упаковку. Ему вдруг вспомнилось рекламное описание этого продукта — «Комфортное питание». Ну да, для типичного американца эти макароны со вкусом сыра — нечто приятное, вызывающее ностальгию, то, что знакомо американцам с детства... Гэлбрайт мрачно улыбнулся — магия подобной рекламы на него не действовала, потому что он не был американцем.

Его родиной был Глостер, город, подаривший этому миру автора поэмы «Invictus» (Непобедимый). Именно там, недалеко от реки Северн, Гэлбрайт провёл свое беззаботное детство. В маленьком деревянном домике своего отца будущий инспектор полиции Портленда большую часть времени проводил за чтением всевозможных книг, которые мать дарила ему на дни рождения, а также порой пытался самовыражаться в художественном плане, но, увы, его строгий отец хотел воспитать наследника в той же строгости, в какой его самого воспитывал дедушка мальчика, и поэтому, когда отец увидел, как его сын занимался подобным делом, то листы бумаги, разрисованные акварелью, немедленно отправлялись в камин... Даже сейчас, много лет спустя, Гэлбрайту всё ещё было больно вспоминать об этом.

Доедая макароны, сырнй запах которых уже успел ему немного приесться, инспектор начал решать, стоит ли ему сейчас приступить к изучению материала, полученного сегодня из рук Фаркрафт. Его распорядок дня никогда не отличался особой дисциплиной, но Гэлбрайт изо всех сил старался не позволять себе лениться и выполнять свою полицейскую работу даже дома. В основном он делал это потому, что подозревал, что, как только он упадет духом, ему будет трудно вернуться к нормальному рабочему режиму. Подобного положения дел он, будучи полицейским, опасался так же, как электроприбор боится отключения от электрической сети.

Однако в этот день он решил пойти наперекор своим обычным правилам. Голова, переполненная сегодняшними впечатлениями, практически тянула всё его тело вниз, подобно свинцовому шару. «Что ж», — сказал себе Гэлбрайт, подставляя теперь уже пустую тарелку под струю воды, — «в таком случае потрачу на чтение материалов всё завтрашнее утро». С этой мыслью он пошел в спальню и, взглянув на телевизор, по которому продолжала идти какая-то мыльная опера, взял лежавший на полу пульт дистанционного управления и нажал на кнопку выключения телевизора. Тишина, внезапно воцарившаяся в квартире, казалась, пронзила его барабанные перепонки. Инспектор помотал головой, чтобы прогнать это чувство, и сел на кровать. По хорошему, подумал он, ему следовало бы сейчас пойти в ванную, но как только он снял всю одежду, то сразу же уснул.

Сон, который он увидел тогда, был на редкость любопытным. Во сне он очутился в каком-то огромном подземном каньоне или впадине. Стоя на металлической платформе, инспектор заглянул в бездонную яму, из которой доносился странный гул, как будто где-то там, в центре Земли, дул ветер. Он отвернулся от края и направился к подземному ангару, который, казалось, врос в поверхность красной скалы.

Как только Гэлбрайт приблизился к тяжелым дверям со странными узорами, нарисованными на их металлических поверхностях, они тут же поднялись вверх с гидравлическим шипением, позволяя человеку пройти внутрь. Поколебавшись пару секунд, он сделал шаг вперёд — за порогом куда-то вдаль уходил коридор, по стенам которого тянулись железные трубы и толстые электрические кабели в разноцветных пластиковых оболочках. Жутковатое голубое свечение исходило от крошечных и многочисленных лампочек, ровными рядами расположенных вдоль изогнутого потолка. Гэлбрайт медленно двинулся вперёд по коридору, углубляясь в непроницаемую тьму этого непонятного подземного сооружения.

Он долго шёл вперед по абсолютно прямой линии, пока наконец не наткнулся на стекло, которое преградило ему дальнейший путь. За ним открывался вид на огромное помещение, похожее на склад, где аккуратными рядами стояли пластиковые бочки, а на усыпанном битым стеклом полу в беспорядке валялись картонные коробки. Точный размер этой комнаты было трудно определить, потому что темнота скрывала углы, а единственным источником света была тусклая лампочка, свисавшая с металлического штыря на высоком потолке. Гэлбрайт начал искать вход на склад, но в этом толстом стекле не было ни двери, ни хотя бы небольшой щели. Инспектор подошел к самому левому краю. На другой стороне он увидел трубу, похожую на ту, что висит у стен домов и служит для отвода дождевой воды. Даже из-за стекла до ушей Гэлбрайта доносилось громкое бурление, которое, как он понял, шло именно из трубы. Не отрывая глаз от этого неуместного в помещении элемента интерьера, он присел на корточки.

И затем внезапно из этой трубы, словно под давлением, начали вытекать бежевые и красные струйки, похожие либо на смолу, либо на очень густой клейстер. Они медленно вытекали, подобно каким-то аморфным червям, из чёрного отверстия трубы и с мерзкими влажными звуками падали на металлические решетки пола. Гэлбрайт заметил, что струи этого клейстера, достигнув пола, вместо того, чтобы растекаться в беспорядке, наоборот, начали смешиваться друг с другом и приобретать какую-то более или менее осмысленную форму. Инспектор продолжал сидеть на корточках и смотреть на это движение непонятной полужидкой субстанции — это зрелище было одновременно отталкивающим и завораживающим своей гармоничностью.

Вскоре этот клейстер образовал нечто вроде лап с четырьмя пальцами, кончики которых начали темнеть на глазах наблюдателя, принимая форму коротких когтей. «Насколько же это похоже на собачьи лапы», — подумал он. Эти конечности немного сместились в обе стороны, чтобы освободить место для новых потоков вещества, которое не переставало вытекать с отвратительным звуком из трубы, которая в сознании Гэлбрайта уже стала ассоциироваться с родовыми путями. Своего рода гротескное рождение странного ребёнка, во время которого сам Гэлбрайт играл роль акушера...

Тем временем между уже почти затвердевшими лапами клейстерного младенца появился новый сгусток, слегка выдвинутый вперед. По бокам торчали два небольших выступа, немного похожих на бивни. Внезапно эта «голова» дернулась вверх, и её поверхность на конце втянулась внутрь. Существо пожирало свою «плоть», и вскоре Гэлбрайт увидел, как на месте лопнувшей кожи появились два ряда острых зубов. Оказывается, рот этого странного существа был скрыт за толстым слоем кожи, и только сожрав его край, клейстерный младенец мог начать дышать... Кажется, вспоминал Гэлбрайт, это называлось апостозом, только в данном случае тут было наличие отсутствия этого явления.

Это было чрезвычайно отвратительное зрелище, но Гэлбрайт внезапно испытал странное волнение, когда существо начало подергивать лапами и мотать своей безглазой головой по сторонам. Сам клейстерный младенец не издавал ни звука, но труба, породившая его, с уже знакомым инспектору булькающим звуком продолжала извергать материал, составлявший плоть этого новорожденного существа, которое тем временем уже ожило и начало извиваться в самом конце этого потока. Ему явно хотелось пойти вперед, но породившая его бездушная металлическая конструкция не давала ему такой возможности. Гэлбрайт внезапно почувствовал что-то вроде жалости к клейстерному младенцу, как будто он почувствовал себя на месте этого несчастного, уродливого существа, которое не могло покинуть утробу матери, потому что ноги всё еще были там, спрятанные внутри трубы, которая дала ему жизнь...

Внезапно клейстерный младенец перестал конвульсивно дергаться и, повернув свою безглазую голову к инспектору, замер в странной позе, подобно щенку, заметившему мышь в высокой

траве. Хотя, честно говоря, бивни, которые к этому моменту отчетливо выступали по бокам рта существа, придавали ему гораздо большее сходство с каким-то мамонтом, пусть и ужасно деформированным — с серовато-розовой кожей, лишенной каких-либо волос, но зато с когтистыми лапами... Да, родителям клейстерного младенца было бы не по себе, если бы они увидели сейчас своего сына, подумал Гэлбрайт, как будто речь шла не о странном существе из ночных кошмаров, а об обычном человеческом ребёнке.

Это были последние мысли инспектора. Клейстерный младенец, который до этого неподвижно стоял на одном месте, внезапно дёрнулся вперед. Его передняя половина тела — то-есть лапы, голова и то, что можно было бы назвать грудью, — были оторваны от потока густой жидкости, вытекающей из трубы. С оглушительным скрежещущим звуком, похожим на визг животного, обработанный электронным фильтром, клейстерный младенец прорвался сквозь толстое стекло и вонзил острые зубы в шею Гэлбрайта, который в это время пребывал в состоянии безмолвного изумления...

<http://tl.rulate.ru/book/102483/3539629>